

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Этот возраст в огне

Три истории подростков, подозреваемых в поджогах «стратегических» объектов. И одна общая история ответной неадекватности государства

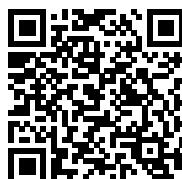

Фото: Zuma \ TASS

08:03, 2 декабря 2024,

Виктория Артемьева

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В последние годы полтора новостные ленты заполнены сообщениями о том, как в том или ином уездном городе Н дети подожгли релейный шкаф, или самолет, или сотовую вышку, или военкомат — нужное подчеркнуть. Чуть ли не каждый день в реестр экстремистов и террористов вносят людей — в основном парней — 2006 года рождения и младше. По примерным подсчетам, таких имен в реестре уже больше сотни. Их судят по диверсионной статье, их обвиняют в подрыве обороноспособности страны, их подозревают в связях с Украиной.

На самом деле чаще всего ситуация выглядит сильно иначе — и куда менее однозначно. Вот три истории тех, кого государство решило признать террористами, и их родителей, у которых в наше традиционно-семейное время отобрали самое дорогое — детей.

Бы

Утром 9 мая 2023 года трое охранников новосибирского авиазавода имени Чкалова сдали свои посты и разъехались по домам отсыпаться после суточного дежурства. День спустя, когда все они давали показания полиции, каждый вспоминал, что дежурство прошло спокойно: еще в начале смены, как полагается по уставу, была проверена отчетность, аэродром обойден и самолеты, стоящие на взлетной полосе и прилегающей к ней площадке летно-испытательной станции, осмотрены. Осматривать самолеты нужно было каждые два часа вне зависимости от времени суток — и каждые два часа один из охранников выходил проверять их.

В тот день помимо нескольких самолетов на взлетной полосе и нескольких вертолетов, принадлежавших не заводу, а компании, арендующей у него полосу, на взлетно-испытательной площадке стояло три объекта: Су-24 и два Су-34.

Последние, как рассказывал потом на суде сотрудник завода, были боевыми самолетами и ждали ремонта, скоро их должны были увезти. А вот выпущенный в начале девяностых Су-24 не ждал ничего — его вообще нельзя было назвать самолетом, потому что летать самостоятельно он не умел давно. Он и добрался-то досюда не своим ходом: его привезли из Африки не меньше десяти лет назад, и с тех пор он стоял на этом месте, под снегом, дождем и солнцем, разобранный и навсегда списанный. Его и хранили-то только ради запчастей — вдруг когда-нибудь понадобятся. Все эти объекты и нужно было перепроверять при каждом обходе.

Так и продежурили до утра — как обычно, без аварий и странностей — и, точно так же, сдав смену утреннему караулу, разъехались. Странности начались потом — когда днем после смены каждому из них позвонили с завода и попросили снова приехать на работу. Вернувшихся на завод охранников ждали сотрудники полиции, которые объяснили, что в ночь накануне Дня победы кто-то, оказывается, проник на территорию завода и попытался поджечь стоявший на ремонтной площадке полуразобранный Су-24. Охранникам показали гулявшее по соцсетям видео: от стоящего в поле и снятого сзади самолета непонятной марки отбегает одетая во все черное фигура в балаклаве, где-то на земле мелькает и гаснет пара языков пламени. И хотя

о том, что это фейк, объявило в тот же день правительство Новосибирской области, и хотя дававшие показания на суде сотрудники завода говорили, что местность на видео не та, и хотя понять, что за человек в кадре, невозможно, оно стало основой обвинения.

Кого обвинить — нашли быстро и почти мгновенно установили даже имя движущейся фигуры: Паша Соловьев, 2005 года рождения. Он был арестован 13 мая — о том, как удалось за четыре дня установить личность черного пятна на фейковом видео, история умалчивает. Но семнадцатилетний Паша в канун Дня Победы на авиазаводе Чкалова действительно побывал — и не один.

Было около шести утра, когда они с другом Виктором Скоробогатовым подъехали к забору, огораживавшему завод. Над высоким забором из профнастила тянулась кольцами колючая проволока, вдоль него — густой кустарник и лес. Это была уже третья точка, к которой они подбирались: дважды их одноклассник скидывал другие координаты, но проникнуть на территорию там было невозможно. А здесь между профлистами нашелся лаз.

Паша Соловьев. Фото: соцсети

Территория за забором оказалась больше похожей на помойку: валялись запчасти, детали, даже крылья, виднелись заброшенные бараки. По этой сталкерской зоне им нужно было

пройти через заросли, потом через почти голое поле, отлично просматривавшееся с охранницких вышек, после чего от стоящего на площадке Су их отделяло бы еще метров триста. Весь этот путь занимал около сорока минут.

Сейчас Паша и Виктор говорят, что не знали ни того, куда они пришли, ни того, что собирались поджигать: просто работодатель по имени Саня, с которым связывался их одноклассник, скидывал в телеграмме координаты объекта, который нужно было повредить и получить за это зарплату. Все эти истории, которых по России уже больше девяноста, звучат абсолютно одинаково: суть работы, как объяснял «куратор» из телеграмма, была в том, что разные компании хотели заменить устаревшее оборудование — но так, чтобы эта замена прошла по страховке. А чтобы компаниям оплатили страховку, устаревшее оборудование нужно было повредить — то есть сжечь. Причем от этих поджогов, как были уверены поджигатели, выиграли бы все: компании — потому, что им оплачивали страховку, исполнители — потому, что им платили их заработанные десять тысяч.

Ни про какое желание нести угрозу обороноспособности страны речи, конечно, не шло — и Паша Соловьев, который часто волонтерил в добровольческих отрядах, развозя подарки ветеранам, проводя субботники у монумента Славы и собирая посылки солдатам в зоне СВО, явно очень удивился бы, если бы узнал, что его подработка сделает из него диверсанта. Да и не согласился бы на нее — тем более что он знал куда более честные способы заработка денег: он умел собирать и разбирать любые автомобили, мотоциклы и технику.

С машинами он вообще не расставался — а рулить научился сразу, как только дотянулся до педали. В четырнадцать сел на первый квадроцикл и гонял на нем в походы на Алтай, потом обзавелся мотоциклом и с друзьями из местного мотобрата большую часть жизни начал проводить в гаражах. А после

занятий в колледже автосервиса подрабатывал в пошивочном цехе, вырезая выкройки для одежды, — шитье одежды на заказ было их маленьким семейным бизнесом. В общем, работать он умел — но лишние деньги лишними не бывают, тем более если они при этом еще и «легкие».

Первым заказом от Сани был релейный шкаф на железнодорожном перегоне Бердск–Сеятель — туда ездили втроем: Паша, находящийся на связи с Саней одноклассник Савелий и их друг Кирилл, которого вообще не посвящали в суть дела, — просто у него была машина, и остальные попросили подкинуть их до точки. Потом Саня приказал поджечь вышку сотовой связи «Мегафона». Ну а потом уже послал на авиазавод Чкалова, подробно описав, какой именно самолет нужно поджечь: как он выглядит, где стоит и чем по внешнему виду отличается от стоящих рядом с ним — видимо, чтобы уж точно не перепутали. Правда, он забыл упомянуть, что НАПО им. Чкалова — один из крупнейших в России авиастроительных предприятий, что историю свою он ведет с 1930-х гг., что во время Второй мировой стал родиной советской истребительной авиации, — и вообще как-то забыл перечислить регалии. А забравшимся на территорию завода со стороны помойки парням то ли местность не намекнула на собственную значимость, то ли просто было не до Википедии — в любом случае, до Су-24 они добрались вполне решительно. Но на этом их решительность закончилась.

Вместо небольшого проржавевшего самолета, каким его описывал через Савелия Саня, парни увидели большой и все еще довольно боевой на вид Су. О том, что он разукомплектован и списан, а из баков его слито все топливо, они не знали — как не знали и про то, что Су-24 вообще сняты с эксплуатации с 2016 года. Они знали только, что перед ними что-то железно-военное, и поджигать это они не захотели. Отойдя метров на пятьдесят, они разлили принесенный с собой в пластиковых бутылках бензин и подожгли траву, сняли видео пожара,

потушили и вернулись назад. Позже, когда осмотром территории занялась полиция, никаких следов копоти или горения на Су так и не нашлось —

единственным ущербом, который оказался причинен заводу, была дыра в заборе и пятно сгоревшей травы размером два на два метра.

Когда 9 мая на завод пришла с допросами полиция, один из охранников стал пересматривать записи с камер видеонаблюдения. К его удивлению, камера, которая всегда была направлена на законсервированный Су, именно в день поджога оказалась повернутой в сторону. Другие сотрудники завода потом говорили на суде, что за день или за несколько дней до этого на близлежащий участок привезли другие самолеты, и камеру направили на них. И все бы ничего, если бы за этот участок не отвечали несколько камер, а развернутой оказалась только одна.

В пятом часу утра 13 мая в дом Пашиной прабабушки, где гостил парень, ворвались с обыском. Единственное, что успела сделать прабабушка, прежде чем у нее выбили телефон, — это позвонить своей дочери. Больше звонить никому не давали — ни маме Паши Веронике, чтобы сообщить, что ее несовершеннолетний сын арестован, ни адвокату, ни скорой, чтобы сказать, что у прабабушки случился инсульт (когда скорую все-таки вызвали, приехавшие медики сказали, что еще бы двадцать минут — и сделать ничего было бы уже нельзя).

В отделение ФСБ, а потом и в Следственный комитет и Пашу, и троих его «коллег» тоже привезли без законных представителей (тогда двоим из четверых еще не было восемнадцати), и так же, в одиночку, допросили. То, как проходил допрос, слышал весь

коридор — и сидящая там мама Паши Вероника, узнавшая об обыске только от соседей, и родственники остальных подростков, и их адвокаты. Кто-то из последних, не выдержав, даже попросил убавить звук.

Дома у Паши Соловьева. Фото: соцсети

Потом было возбуждено уголовное дело по статье 167 — «повреждение или уничтожение имущества» (наказывается штрафом, принудительными работами или сроком до пяти лет). Вероника, у которой семь месяцев назад родился второй сын, могла бы еще долго быть в декретном отпуске и проводить время с новорожденным ребенком — но теперь время и силы пошли на изучение дела, судебных процедур и УК РФ, а деньги — на адвокатов.

И чем больше затягивалось следствие, тем больше она, изучившая все документы почти наизусть, замечала в нем нестыковок: в рапортах смешивались и менялись даты, время и даже номера дел, откуда ни возьмись появлялись лишние тома, показания свидетелей противоречили друг другу, следователи

менялись и один за другим шли на повышение, подростков еще до суда внесли в список экстремистов и террористов. Телеграм-куратора Саню никто искать не пытался — сказали только, что он, оказывается, был противником проводимой российским государством внешней политики и агентом Украины, организовывал и искал исполнителей для совершения диверсий на территории РФ, а обитал, предположительно, почему-то в Молдове. По оставшимся от его аккаунта следам в телеграмме можно понять только то, что Саня был типичным спамером и очень интересовался теневыми услугами и закупками в даркнете — и среди самых разных связанных с этим чатов, в которых он состоял, действительно есть группа с названием «Барахолка Кишинев [Черный рынок]». Но еще среди них есть и чаты Воронежа, и черный рынок Башкирии. В конце концов

Пашину обвинительную статью переквалифицировали на 281 — «диверсия», наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. И тогда обвинение начало строиться на одном-единственном сочетании букв — «бы».

История может и не знать сослагательного наклонения — зато большинство похожих на Пашино «диверсионных» дел только на нем и строится. В обвинительном заключении Паши и трех его соучастников, например, говорится, что от поджога мегафонной вышки «мог быть причинен имущественный ущерб», а многострадальный Су-24 «подлежал разрушению», из-за чего тоже мог бы быть нанесен материальный ущерб в размере 90 896 930 рублей — столько, по мнению выступавшего в суде сотрудника завода Павла Даньшина, стоит

законсервированный набор запчастей, возле которого, судя по ходу следствия, любые подростки с улицы в состоянии чуть ли не пожарить майские шашлыки. На самом же деле ущерб заводу оказался гораздо более скромным: 7005 рублей 60 копеек — столько стоила дыра в заборе.

Процесс по делу Паши Соловьева и остальных тянется уже полтора года. Из всех четырех Паше грозит самый большой срок — сейчас на нем «висит» четыре эпизода: релейный шкаф на перегоне Бердск–Сеятель, мегафонная вышка, Су-24 и еще один релейный шкаф неподалеку от станции Обь, которого он даже никогда не видел. После всех отклоненных ходатайств, отказов проводить любые экспертизы, после всех не принятых возражений и незамеченных нестыковок Вероника решила написать жалобу в Главное управление ФСБ. Из главного ее письмо перенаправили в управление ФСБ по Новосибирску, откуда после долгого молчания пришел емкий и лаконичный ответ: «Принято к сведению».

Неустановленное лицо в неустановленное время в неустановленном месте

Утром 5 сентября Дарье позвонила знакомая — инспектор по делам несовершеннолетних:

- Паша Бугай — твой ребенок?
- Да, пасынок, а что он натворил?
- Сжег релейный шкаф.
- А что это?
- По нашим временам — диверсия.

Когда Дарья забрала с работы мужа Сергея и они приехали к его

сыну домой, там уже шел обыск: в квартире было человек пятнадцать, все в гражданском, и понять, кто сотрудник, кто понятой, было невозможно. Паша жил с родной матерью и двумя младшими братьями, и когда его повезли в отделение ФСБ по Новосибирску, матери пришлось остаться дома — трехлетнего ребенка оставить было не с кем.

Паша Бугай. Фото: соцсети

Потом были закрытые двери ФСБ, за которыми семнадцатилетнего Пашу допрашивали без законных представителей, потом, уже к вечеру, отделение по особо важным делам — и только там, сидя в коридоре, куда Пашу ненадолго выпустили, Дарья смогла с ним поговорить. Паша клялся, что в переписке с «куратором» из телеграмма не было ни слова ни о спецоперации, ни об Украине, ни о каких иностранных государствах, ни о политике вообще — что он просто хотел заработать денег. Он назвал ей имя аккаунта, с которым переписывался: @Mogavk. Потом его увезли.

Приехав домой, Дарья открыла телеграм и нашла аккаунт: на аватарке — лицо кавказской внешности, название — «Предложение, от которого ты не сможешь отказаться». Она долго боялась ему писать — мало ли, приобщат к обвинению или тоже посадят. Но время шло, аккаунт был постоянно в сети, искать его хозяина никто не собирался — и она все-таки решилась: получилось что-то дидактично-воспитательное, смысл чего сводился к риторическому вопросу «Как ты мог?». Аккаунт на это отреагировал механически: «Работа нужна?»

В условиях, когда почти любые действия адвоката отклонялись, ходатайства отвергались, а обвинителей заседали на репликах про «подрыв обороноспособности страны», это была возможность выстроить всю схему с самого начала, посмотреть, чего на самом деле требовал этот человек и что обещал — и, может быть, «поймать на живца». Так что Дарья ответила: «Нужна».

***

Дарье было 25 лет, когда ей впервые дали классное руководство. Передавая класс, предыдущая руководительница предупредила: там есть один проблемный, Бугай, борец за справедливость. Даша быстро представила себе этого бугая — шкафообразного обитателя «камчатки», который взглядом пригвождает учителя к доске.

Но первого сентября в класс вошел робкий щуплый мальчик, меньше, младше и неувереннее всех одноклассников. С Дашей они быстро подружились: Паша оказался добрым, но очень упрямым. Он знал, что такое быть слабым, — и поэтому все время лез в споры и драки, защищая тех, кто еще слабее. Класс был в полном составе мужской, и найти свое место там ему, неуверенному и не любящему соревноваться, было тяжело. К тому же он был из разведенной семьи — родители разошлись, когда Паше было лет девять, и ему пришлось играть роль взрослого: с матерью остался младший брат.

Дарья Бугай. Фото: соцсети

Даша — по профессии социальный педагог — начала работать с ним: благодаря ей он стал волонтерить, потом вошел в движение «Лидерская десятка» и занялся проектами по решению разных социальных проблем — от помощи бездомным животным до тьюторства. Потом Даша вышла замуж за его отца — и отношения стали еще более близкими, хотя иногда и взрывоопасными: оба упрямые и правдолюбивые, они спорили, и споры, бывало, приводили к бойкотам — но минут пятнадцать спустя все кончалось фразой «Я там чайник поставил».

У Паши появилось четверо братьев и сестер со стороны отца и двое со стороны матери, и для всех них нужно было быть старшим. В общем-то поэтому он всегда и мечтал научиться зарабатывать — и зарабатывать много. Это был такой великий комбинатор, у которого каждый день рождалось по новой бизнес-идее. Свою первую зарплату (13 тысяч рублей за продажу

мороженого) он полностью потратил — на носки. Огромный мешок носков он решил распродать с наценкой в сто рублей — гениальный мозг начинающего бизнесмена посчитал, что процент от выручки будет значительным. План, к его удивлению, провалился, и семья еще долго не нуждалась в этом предмете гардероба, но строить предпринимательские стратегии Паша не бросил.

Летом 2023 года у Паши появилась девушка. Они встречались почти каждый день — и поскольку ходить друг к другу домой стеснялись, целыми днями бродили по кафе и кино. И на кафе, и на кино нужны были деньги — к тому же выглядеть плохо или носить старый телефон тоже было уже нельзя. Деньги родители и Даша давали, но их все равно не хватало. В конце концов, накануне первой годовщины отношений, Паша пришел домой и сказал, что хочет подарить девушке брендовые туфли и что ему нужно десять тысяч рублей. Никто, конечно, ему этих денег дома не дал — откуда взяться лишним, да и что вообще за туфли такие за десять тысяч? Естественно, Паша обиделся на весь мир: приходил молча, обедал молча, спать ложился молча — и работу искал тоже молча. Сначала — «белую», но найти ее, будучи несовершеннолетним, было трудно. Он устроился на шиномонтаж, но то ли ему не заплатили, то ли он понял, что заработать до праздника не успевает, — отношения с этой работой не сложились. Тогда и появился Могавк.

Из известных мне дел, касающихся релейщиков, человек с таким псевдонимом фигурирует еще как минимум в двух: в Хабаровском крае и в Санкт-Петербурге. Требования у него ко всем были одни и те же: для того, чтобы отработать «страховые случаи» оборудования разных компаний, это оборудование якобы требовалось сжечь. За поджог релейного шкафа Могавк платил 15 тысяч рублей, за сотовую вышку — 20 тысяч, за поджог самолета обещал 10 тысяч долларов. Ни о диверсиях, ни вообще о «спецоперации», ни о том, что такие поджоги как-то угрожают обороноспособности страны, он, конечно, не говорил.

Паша, которому денег нужно было быстро и много, согласился на наименьшую ставку — на шкафы.

Релейный шкаф. Фото: соцсети

Первый раз он поехал на станцию Обь ночью 28 августа — этой ночью дежурному по станции электромеханику позвонил диспетчер: «Походу нам опять сожгли шкаф». Но на этот раз шкаф не сожгли: приехавший на место электромеханик увидел только помятую дверь — в нее явно били чем-то тяжелым и пробили почти насквозь. Но так релейный шкаф, конечно, было не открыть. Сожгли шкаф позже, через два дня, в ночь с пятницы на субботу. Выехавшие туда техники увидели, как догорает ящик, стоящий в трехстах метрах от предыдущего пострадавшего.

Давая потом показания в суде, электромеханик объяснял, что вообще двери у релейных шкафов находятся с двух сторон, и каждая закрывается минимум на два ключа, хотя в последнее время запорную систему усилили. Оборудование внутри шкафов может отвечать за разное: за сигналы светофора, за стрелки, за релейные цепи. Тот, который Паше открыть не удалось, например, отвечал за открытие и закрытие перекрестка

(места, где у путей расположен шлагбаум). А тот, который он все-таки сжег, отвечал за сигнализацию на станции в целом. Как только дверь такого шкафа повреждается или открывается — сигнальная система тут же дает знак машинисту остановиться, а дежурные по станции идут проверять, что случилось. Поезда по таким участкам ходят только после того, как им позволит это сделать диспетчер, получивший разрешение от дежурных, — и только со скоростью 20 км/ч.

Собственно, это и стало главным поводом для обвинения — поезда якобы задержались на всех направлениях как минимум часа на полтора. Но по мере движения следствия обвинение становилось все более убийственным — в итоге оно превратилось в «подрыв обороноспособности страны», да к тому же выяснилось, что именно в момент поджога по поврежденному участку в сторону СВО двигались ЖД-составы. Когда на суде просят рассказать, какие именно и куда, эти вопросы снимаются под тем предлогом, что это гостайна, — откуда эту гостайну мог знать подросток Паша, при этом не объясняется. Полностью обвинение выглядит так:

«...что повлекло за собой наступление общественно опасных последствий в виде создания угрозы жизни, здоровья и безопасности граждан, уничтожения и повреждения имущества физических и юридических лиц, вынужденную задержку движения поездов, нарушения единого графика исполненного бесперебойного движения поездов и перевозки ими пассажиров, экономически значимых и военных грузов, военной и иной специальной техники, в том числе в новые субъекты Российской Федерации и в зону специальной военной операции на полигоне Западно-

Сибирской железной дороги, что повлияло на сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства, экономическую безопасность и обороноспособность государства».

Первые такие — серийные — дела о поджогах релейных шкафов начали заводиться по всей стране примерно с апреля 2023 года. Не то что шкафы не поджигали раньше — поджигали, просто в мирное время эти дела четко шли по упомянутой статье 167 — «Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества». По этой статье релейщикам грозил штраф, или исправительные работы, или срок от двух до пяти лет. Теперь всем грозит срок от 12 до 20 лет, и все имеющие отношение к этим судебным процессам на вопросы о переквалификации статьи на диверсионную обычно многозначительно показывают пальцем куда-то вверх и отвечают: времена такие.

Но поджог одного шкафа, от которого, оказывается, зависело региональное развитие РФ, — к сожалению, не единственное Пашино преступление. После того как Могавк перевел ему первую «зарплату», Паша исполнил свою мечту — купил туфли и сводил девушку в кафе, а потом решил повысить ставки: поджечь сотовую вышку. Могавк указал ему вышку Tele2 на Гусинобородском шоссе, 43. Местность эта довольно пустынная: линия одноэтажных домов, за которой — лес и лес. Ни госучреждений, ни больших жилых кварталов поблизости нет. Приехавший туда Паша попытался исполнить указания Могавка, но этот поджог «куратор» тоже вряд ли посчитал хорошо сделанной работой:

сотрудники Tele2 даже не заметили аварии. Как и в случае с заводом Чкалова, пострадавшая сторона узнала о том, что что-то вообще случилось, от полиции.

Пользователи сотового оператора тем более вряд ли испытали на себе последствия Пашиной диверсии: цепь сотовой связи устроена так, что если одна из вышек выходит из строя, нагрузка распределяется по соседним, — а здесь она к тому же, как рассказывал на суде один из бывших сотрудников Tele2, была последней в цепи, то есть вообще не могла повлиять на ее работу. Но следствие все-таки установило, что и этот поджог тоже подрывал обороноспособность РФ. Наверное, владельцам этого оператора такая оценка их скромной компании могла показаться лестной.

В обвинительном заключении особенно старательно и по многу раз подчеркивается, что поджигавший шкафы и вышку Паша знал о той угрозе обороноспособности, которую он своими поджогами провоцирует. Знание это доказать невозможно, потому что в переписке с Могавком и правда нет ни слова о политике — поэтому оно везде принимается за аксиому. О самом Могавке говорится, что это неустановленное лицо, которое в неустановленное время в неустановленном месте создало аккаунт в телеграмме «в целях подыскания исполнителей диверсий». При этом установить, что это за лицо, пыталась пока, судя по всему, одна Дарья.

Могавку она написала сначала от лица кого-то из родственников Паши. После обязательной программы (монологов «куратора» про то, что все эти поджоги — исключительно отработка страховки) она стала спрашивать, не диверсиями ли занимаются его работники? Могавк сказал, что его контора диверсиями не занимается: «У меня люди по всей

стране работают. Деньги зарабатывают. Пару литров горючей смеси в нужные места — и металлом конвертируется в нужную сумму. Ну в крайнем случае «порчу» им возбуждают, но я через Москву решаю этот вопрос. Ребята деньги зарабатывают, тем более когда такая крыша. Кто хорошо работает, вообще по административке идет».

Потом Дарья решила написать еще с одного аккаунта — на этот раз представившись полицейским. Суть диалога и там была точно такой же — правда, между репликами Могавк успевал унижать профессию полицейского. Переписка началась в воскресенье, и Дарья тут же написала следователю: вот он, заказчик, давайте с этим что-то делать! Решивший не омрачать воскресный день следователь ответил: поговорим завтра. Назавтра никто к этому эпистолярному роману интереса не проявил, а когда Дарья наконец положила на стол ходатайство о приобщении переписки с Могавком к материалам дела, и аккаунт, и переписка в тот же день были удалены.

По оставшим его следам в телеграмме можно сказать только, что он был зарегистрирован в феврале 2022 года и, судя по всему, тоже был спамером, состоял в чате украинских националистов и группе, посвященной майнингу в Абхазии, а еще использовал сервер в Кишиневе. Следователи искать его не пытались, зато нашли парня, который «сдал в аренду» свою банковскую карту некоему Игорю — с этой карты на счет Паши после первого поджога поступило 15 000 рублей. Дальше цепочка оборвалась, и для следствия Могавк так и остался неустановленным лицом в неустановленном месте.

***

Паша ждет приговора уже больше года. В тюрьме он работает — и еще пытается зарабатывать продажей сигарет: покупает блок, отдает кому-то две-три пачки, и когда тот звонит своим, называет номер телефона, и деньги приходят пашинным

родным. Правда, приходят не всегда, но в целом бизнес-стратегия работает.

Подробностей о том, как ему сидится, ни у кого из родных нет —

с тех пор, как Дарья начала разговаривать со СМИ, Паше запретили любые свидания и звонки. А его девушка, навестив пару раз, довольно быстро исчезла. Чего вы хотите — семнадцать лет.

P. S.

3 декабря стало известно, что Павел Бугай заразился туберкулезом в СИЗО.

Путь пустой руки

27 января прошлого года десятиклассник Егор Балазейкин участвовал в большом школьном концерте, посвященном снятию блокады Ленинграда. Он тоже собирался говорить о блокаде — но не только о той, годовщину которой отмечали, и далеко не только то, что было написано в сценарии. Это должно было стать важным выступлением — никогда раньше он открыто не заявлял, что «против», но сейчас триггеров стало слишком много: он всегда был книжным мальчиком, привыкшим проживать жизнь вместе с теми, о ком читал, — но одно дело сочувствовать героям Ремарка и совсем другое — оплакивать погибших в новогоднюю ночь в Макеевке.

Егор Балазейкин в суде. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

И совсем уж не литературой все это стало тогда, когда на фронте погиб дядя Дима. Дима ушел на фронт добровольцем: он был майором в отставке, считал, что его опыт может пригодиться Родине, — но в живых он продержался всего два месяца. Егор очень ждал возвращения дяди — он надеялся, что Дима, побывавший в самой гуще, знает правду и объяснит ему, наконец, что вообще происходит. Правда приехала в гробу, и перед тем, как ее закопать, над этим гробом трижды выстрелили в знак уважения.

Обо всем этом и собирался говорить Егор со сцены актового зала. Долго собирался — но так и не смог, испугался. Ушел за кулисы, промолчав, обливаясь потом, — уже сидя в тюрьме, он рассказывал родителям, что даже рубашка и пиджак прилипли к спине, настолько было страшно.

Этого страха он себе простить не смог — это значило, что он сдался, что он проиграл бой. Когда-то давно, лет до

четырнадцати, важной частью его жизни было каратэ — а как может уважать себя каратист, сказавший «я не могу»? Бой нужно было переиграть, и все, что он не сказал со сцены, — сказать со скамьи подсудимых, если понадобится. О своем мнении надо было заявить как-нибудь так, чтоб заметили, — и он решил кинуть бутылку в военкомат.

***

Слово «каратэ» или «каратэ-до» переводится как «путь пустой руки». Есть много легенд о том, как появилось это боевое искусство — по одной из них, в XV веке на острове Окинава, за который боролись Китай и Япония, во время японской оккупации местным жителям под страхом смертной казни запретили носить оружие. Крестьяне оказались беззащитными и перед оккупантами-чиновниками, и перед солдатами, и перед местными преступниками — и тогда им пришлось учиться защищаться голыми, то есть пустыми, руками. С тех пор каратэ и стало искусством защиты — именно защиты, а не нападения: моральный кодекс запрещает каратистам, которые сами себя называют каратэки, нападать первыми.

Егор начал заниматься каратэ в третьем классе — и в течение пяти лет не жил без него ни минуты. Почти каждые выходные были соревнования. Бывало, в день приходилось отстаивать по четыре боя с дополнительными минутами, и когда он приезжал домой и отец спрашивал его, что болит, Егор отвечал: все. Тогда родители наливали ему большой таз горячей воды — в доме не было ванны — и Егор, свернувшись в нем калачиком, весь вечер отмокал.

За пять лет Егор дошел до третьего кю — зеленого пояса с коричневой полоской. Экзамен на кю он сдавал отдельно от всех: общий тест проходил в мае, когда Егор лежал в больнице на плановом обследовании — из-за того самого аутоиммунного заболевания печени, из-за которого его жизнь и здоровье в тюрьме теперь под угрозой, ему нужны постоянные анализы и осмотры. Спорт, которым он всегда занимался, помогал облегчать болезнь: циркуляция крови ускорялась — и печень сохранялась лучше. Тогда сдавать экзамен пришлось в августе, во время спортивных сборов. Кю-тест проходил восемь часов на августовской черноморской жаре. Сдающих было четверо — вместо обычных пятидесяти, — и жюри следило за ними с японской придирчивостью. Каратэки стояли перед тренерами и держали над головой на вытянутых руках тяжелые камни — долго, очень долго, и Егор даже боялся, что камень упадет ему на голову. Конечно, можно было его бросить и сказать «я не могу», а через полгода попытаться сдать экзамен еще раз — но это было не было не по-каратистски.

Он почти никогда не падал — только однажды, уже победив и поклонившись сопернику, он дошел до края татами, лег и заплакал: соперник пробил ему большую печень, и он закончил бой,

по сути, находясь в нокауте.

И еще раз он проиграл, когда вышел на татами с очень легким соперником, — поняв, что победит его за первую минуту, Егор решил поотрабатывать кайтены (удары в прыжке с разворота). Он крутил и крутил их — раз, второй, — а потом вдруг упал. Встав, он не понял, что произошло, а потом закричал на весь зал: подбежавшая Татьяна и тренер увидели, что кость его руки в районе локтя уходит далеко в сторону. Через несколько часов, стоя в коридоре перед операционной, Татьяна услышала, как нервно переговариваются врачи: держи его, держи, он встает. И голос полубессознательного от наркоза Егора: «Я проиграл бой, мне надо еще раз переиграть, мне надо еще раз». Посидев потом неделю дома, он вышел на тренировки прямо так — с загипсованной рукой.

Спортивные кубки Егора

***

Еще раз попытаться открыто заявить, что он «против», Егор

решил в конце февраля 2023 года. Почему для этого надо было обязательно бросаться бутылками в военкомат, он объяснял потом на суде. Он жил тогда на съемной квартире неподалеку от гимназии — из дома в Отрадном ездить было далековато. В этот день у него был важный доклад по любимому Достоевскому, и вечером мать Татьяна позвонила ему спросить, как все прошло. Он не ответил — но это было нормально: его день начинался в четыре-пять утра, когда он вставал и бежал кросс, поэтому ложился спать он тоже рано. Но около двенадцати ночи Татьяне позвонил инспектор по делам несовершеннолетних: шестнадцатилетний Егор Балазейкин бросил бутылку с зажигательной смесью в Кировский военкомат. При нем нашли Димину (дяди) балаклаву, пахнущие соляркой перчатки и книгу «Преступление и наказание».

Приехавших в отделение родителей к сыну не пустили: их повели в отдельную комнату и заставили писать объяснительные. Прочитав эти объяснительные, инспектор заключила: Даниэль и Татьяна Балазейкины не исполняли свои родительские обязанности. Много времени ушло у обоих на то, чтобы это обвинение с них сняли, — учителя из старой отрадненской школы хором говорили, что мальчик, конечно, хороший, и семья хорошая, но наказать их должны.

Первый допрос состоялся на следующий день после ареста Егора. Вошедшая в кабинет адвокат по назначению не обратила большого внимания ни на арестанта, ни на мать — приветливо поздоровалась со следователями и открыла блокнот. За спиной Татьяны встал какой-то лысый мужчина — как потом выяснилось, ни в какие протоколы его не внесли, и за все время (а допрос длился часа три без перерыва) он из своего угла задал единственный вопрос: «Своими действиями ты хотел воздействовать на принятие решений органами власти?» Это была формулировка 205-й статьи УК РФ. Татьяна об этом, конечно, еще не знала — но о том, что все идет куда-то не туда, догадалась.

— Почему вы молчите? — обратилась она к рисующей в блокноте цветы адвокатессе. — Вы не видите, что это провокация?

— Сына лучше надо было воспитывать, — ответила та. — Вот у меня ребенку четырнадцать, и он никаких бутылок ни в какие военкоматы бросать не собирается.

Доказать на суде, что в бутылке был никакой не коктейль Молотова, а чистое дизельное топливо, которое не может загореться от удара — а фактически и вообще не загорелось, — не удалось, хотя об этом говорили все экспертизы и показания свидетелей. По-хорошему,

железная дверь военкомата вообще вряд ли могла загореться — и Егор об этом отлично знал: он шел к военкомату, по сути, с пустыми руками. Единственной его целью, как он сам формулирует, было «разрешение внутреннего конфликта».

Ему вынесли приговор: шесть лет, — и когда все вышли из зала заседаний, когда разошлись из зала слушатели, а Татьяна и Даниэль остались ждать в коридоре постановления, они услышали, как позвонивший кому-то прокурор довольно сказал: «Шесть лет, как и договаривались». Он не знал, что родители, каждое заседание записывавшие на диктофон, забыли его выключить, — и эта реплика так и осталась на записи. Впрочем, толку от нее все равно оказалось мало.

Сейчас о Егоре знает мир — и это даже не художественное преувеличение. О нем писали многие зарубежные СМИ, включая, допустим, *Le Monde* и *Spiegel*, его рисунки

выставлялись в Финляндии, дома у него лежат толстые стопки писем от людей со всей страны, включая письма от Тамары Эйдельман*, Павла Крисевича* и Владимира Котлярова*. Егор на них отвечает и рассказывает, как бегает кроссы по тюремному дворику, или играет с сокамерниками в футбол из связанных носков, или в теннис шариком от дезодоранта, как читает и продолжает учиться. И еще он говорит, что каратэ, которым он занимался пять лет своей жизни, очень помогает ему сейчас жить. Говорит, что не перестал быть каратэки.

* Властиами РФ внесены в список «иноагентов»